

Скрыльникова Анна Юрьевна

**Категориальная и лингвокультурологическая
сущность чуждости в русском языке**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Елец 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Липецкий государственный педагогический университет»

- Научный руководитель – доктор филологических наук
профессор **Попова Елена Александровна**
- Официальные оппоненты – доктор филологических наук
профессор **Токарев Григорий Валериевич**
- кандидат филологических наук
доцент **Журавлева Галина Сергеевна**
- Ведущая организация – Курский государственный университет

Защита состоится «11» ноября 2008 года в 12 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.059.01 в Елецком государственном
университете имени И.А. Бунина по адресу: 399740, г. Елец Липецкой
области, ул. Коммунаров, 28.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина

Автореферат разослан « 8 » октября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук профессор *Дякина* – Дякина А.А.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000528798

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современных условиях развития лингвистики немалую роль играет изучение специфики менталитета народа. Язык каждой нации отражает культуру, менталитет и сознание народа, говорящего на нем. Ввиду этого современному языковедению свойствен интерес к разнообразным аспектам проблемы антропоцентризма языка. Любой естественный язык является своеобразным отражением способа восприятия и осознания окружающего мира его носителями, что находит выражение в формировании языковой картины мира, которая, в свою очередь, содержит главные ценностные ориентиры этноса. Наука описывает языковую картину мира как отдельного человека, так и нации в целом. В основе подобных исследований лежит определение ментального диапазона нации, выявление ценностных приоритетов народа, изучение интегральных и дифференциальных особенностей различных народов. Все это может способствовать процессу осознания индивидуальности каждой отдельно взятой нации, с одной стороны, и процессу взаимодействия и взаимовлияния культур различных этносов – с другой. Данная работа выполнена с учетом названных положений, в рамках антропоцентрического направления в лингвистике.

Актуальность исследования отдельных концептов, характеризующих национальную специфику русской языковой картины мира, в рамках значимой для русского языкового сознания семантической категории чуждости обусловлена лингвистическими причинами, заключающимися в необходимости воссоздания на основе языковых данных фрагмента картины мира русского народа, специфика которого в значительной степени определяется оппозицией «свой» – «чужой». Проникновение в национальную картину мира и национальную концептосферу позволяет глубже понять принципы мировоззрения и поведения любого человека в связи с универсальными и национально специфичными чертами, присущими ему как выразителю языковой и ментальной картины мира данного этноса. Это положение приобретает особую актуальность и значимость в современных условиях ментальных и культурных потерь в духовном состоянии общества, условиях самоопределения русского народа в мировом культурном пространстве.

Объектом исследования выступает фрагмент духовной культуры русского народа, представленный в виде четкого деления мира на две части («свое» и «чужое»), которое сопровождается эмоционально-экспрессивной оценкой каждой из этих категорий, а именно ключевые концепты, организующие структуру категории чуждости.

Предметом исследования является репрезентация и интерпретация в языке концептов *свой – чужой, дом, друг, тоска, разлука, лень* как средств выражения семантической категории чуждости.

Материалом исследования послужили примеры из художественных произведений русской литературы XIX-XX веков (произведения И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.И. Куприна, В.Г. Короленко, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, Ф.И. Тютчева, В.В. Маяковского, М. Горького, М.А. Шолохова, А.Т. Твардовского, И.А. Бунина, В.Г. Распутина и других), а также из некоторых произведений ХХI

века (В.О. Пелевина, Т.Н. Толстой, Л.Е. Улицкой). Выбор в качестве основного материала для исследования произведений русских писателей XIX и XX веков обусловлен необходимостью охарактеризовать категорию чуждости и репрезентирующие ее концепты в синхронном аспекте на основе их языковых реализаций в лучших образцах русской словесности. Общая выборка языкового материала представлена 2200 примерами.

Целью настоящей работы является исследование особенностей русской языковой картины мира с точки зрения выделения в ней семантической категории чуждости, а также рассмотрение отдельных национально специфичных концептов, репрезентирующих эту категорию в русском языке, в их взаимосвязи и системных отношениях, определение их ментальных особенностей, принципов структурирования и функционирования в национальной концептосфере.

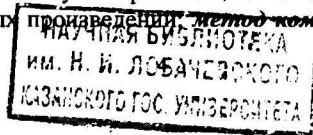
В соответствии с поставленной целью предусматривается решение следующих задач:

- 1) выявить характерные черты национально специфичной семантической категории чуждости;
- 2) определить и классифицировать ключевые концепты, репрезентирующие вышеуказанную категорию;
- 3) проанализировать активный смысловой слой ядерного и периферийных ключевых концептов, репрезентирующих категорию чуждости в русском языке;
- 4) исследовать языковую репрезентацию и интерпретацию данных концептов в языке народа, прежде всего в языке художественных произведений;
- 5) определить значимость категории чуждости в формировании особенностей русской языковой картины мира.

Категория чуждости была выделена и изучалась в лингвистической науке ранее (А.Б. Пеньковский, Е.П. Захарова), так же, как исследовались и описывались концепты *свой – чужой* (Ю.С. Степанов, О.В. Балясникова, С.Л. Сахно, М.В. Дудорова, И.В. Глазкова), *дом* (В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, Г.М. Яворская, Ю.М. Лотман, Т.Т. Баева, Э. Лассан), *друг* (А. Вежбицкая, А.Д. Шмелев), *тоска* (А. Вежбицкая, В.А. Маслова, Е.А. Попова, А.К. Панфилов), *разлука* (Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, В.К. Харченко, Е.Ю. Хорошко), *лень* (А.В. Зеленин, Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, И.М. Кобозева).

Научная новизна диссертационной работы заключается в выделении собственно категории чуждости на основе оппозиции «свой – чужой» и в систематическом рассмотрении вышеуказанных концептов в аспекте этой категории. Рассмотрение репрезентаций данных концептов позволяет описать процессы взаимного влияния и воздействия друг на друга ментальных и культурных особенностей нации и языка.

Выбор методов исследования обусловлен целями и задачами работы, а также характером изучаемого материала. В процессе исследования использовались следующие методы: *описательный*, позволяющий на основе анализа эмпирического материала делать теоретические выводы; *функциональный* метод, с помощью которого можно изучить реализацию концепта и его репрезентантов в текстах художественных произведений; *метод компонентного анализа*, по-

звolyающий выявить составные части внутри концептуальной структуры; *метод анализа словарных дефиниций*, раскрывающий семантическое окружение и особенности структуры концепта; *метод анализа парадигматических и синтагматических связей* слов-репрезентантов концептов, анализа паремий, способствующий более полному описанию базового смыслового слоя концепта; *метод учета ассоциативных связей*; *метод теоретической интерпретации эмпирических данных и выявления тенденций и закономерностей*, а также *методика контекстуального анализа, приемы классификации и систематизации*.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в изучении и обобщении основных точек зрения на понятия, раскрывающие взаимосвязь языка и культуры, в обозначении и рассмотрении категориальной и лингвокультурологической сущности категории чуждости в концептосфере русского языка, в исследовании функционирования концептов, репрезентирующих названную категорию, в русской языковой картине мира. Полученные результаты исследования могут быть использованы при дальнейшей разработке установления специфики и закономерностей существования и функционирования концептосферы русского языка, а также в дальнейших языковых и культурологических исследованиях чуждости как определяющей категории русского сознания. Кроме того, работа может быть значима для развития таких дисциплин, как лингвокультурология, этнолингвистика, лингвистическая аксиология и когнитивная лингвистика.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования и практические выводы могут применяться на занятиях в системе вузовского преподавания в курсе современного русского литературного языка (разделы «Лексика», «Фразеология»), филологического и лингвистического анализа текста, теории языка, в курсах с культурологической и этнокультурологической направленностью, а именно в таких, где изучается русский народ в отражении данных русского языка, в спецкурсах по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, в преподавании русского языка как иностранного, в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов. Помимо этого, применение данного материала возможно при проведении занятий по русскому языку, литературе и русской словесности в школе в рамках формирования культуроведческой компетенции учащихся. Результаты исследования могут найти применение в лексикографической практике при составлении справочника констант русской культуры, в различных культурологических исследованиях, связанных с изучением специфики менталитета русского народа, в исследованиях по межкультурной коммуникации.

Теоретическими основаниями исследования являются работы отечественных и зарубежных лингвистов:

– определяющих различные подходы к пониманию взаимодействия языка и культуры: В. фон Гумбольдта, Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни, И.И. Срезневского, Э. Сепира, Б. Уорфа, Э. Бенвениста, Г.О. Винокура, Н.И. Толстого, В.А. Масловой, А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова;

– труды современных лингвистов в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, этнолингвистики, лингвистической аксиологии: Н.Ф. Алефиренко, В.В. Колесова, А.Д. Шмелева, Ю.Д. Апресяна, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.В. Красных, Т.И. Вендиной, Ю.Н. Караулова, Д.С. Лихачева, А.Б. Пеньковского.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Оппозиция «свой – чужой» обладает как интернациональными, так и национально специфичными признаками, определяя особенности русской языковой картины мира.

2. На основе противопоставления «свой – чужой» выделяется категория чуждости, разделяющая универсум в сознании носителей языка на два мира («свой» и «чужой») и обладающая аксиологическими характеристиками (сопргающаяся с категорией оценки).

3. Семантическая категория чуждости репрезентируется в русском языке с помощью ядерного концепта *свой – чужой* и периферийных концептов *дом, друг, тоска, разлука, лень*.

4. Ядерный концепт *свой – чужой* отражает содержание семантической категории чуждости, разделяя в сознании носителя языка окружающий мир на две неравные части, присваивая этим частям положительную или отрицательную оценку. Указанный концепт определяет различные противопоставления в языковом сознании русского человека, в том числе противопоставление по национальному признаку (*наш – не наш, русский – немец*), по месту пребывания (*родина – чужбина, здесь – там*), по внутренней близости или отдаленности субъекта, состояния, качества (*родные – чужие, друг – враг, разлука – встреча*) и т.д.

5. Периферийные концепты связаны между собой по принципу принадлежности к «своему» или «чужому» миру и в соответствии с этим обладают определенной оценкой: концепты *дом* и *друг* относятся к «своему» миру и оцениваются положительно, концепты *тоска* и *разлука* – к «чужому» миру и оцениваются отрицательно, концепт *лень* находится на пересечении двух миров и оценивается двояко.

6. Периферийные концепты, репрезентирующие как «свой», так и «чужой» мир, находятся в отношениях взаимосвязи друг с другом: концепты *дом* и *друг* обозначают наличие близких, родных людей; концепт *разлука* является выражением состояния разделенности с этими людьми, концепт *тоска* обозначает чувство и состояние носителя языка, возникающее в результате *разлуки*, концепт *лень* является обозначением определенного состояния, вызванного *тоской* (*скукой*).

Апробация результатов исследования осуществлялась в виде докладов на научных конференциях различного уровня: VI Международной научной конференции «Филология и культура» (Тамбов, 2007), V Международной научно-практической конференции «Проблемы непрерывного образования: проектирование, управление, функционирование» (Липецк, 2007); на Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора П.А. Леканта «Русское слово, выска-

зывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное» (Москва, 2007), на IX Всероссийской научно-практической конференции «Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров» (Челябинск, 2008), на II Межрегиональной конференции Российского союза молодых ученых «Молодежь в науке: проблемы и перспективы» (Липецк, 2007), на Региональном научно-практическом семинаре ученых Липецкой области «Гуманитарное образование в современной России» (Елец, 2006), на Региональном научно-практическом семинаре ученых Липецкой области «Школа молодых ученых» (Елец, 2007; 2008), на межвузовских конференциях «Лингвистика антропоцентризма и лингвокультурологическое знание в XXI столетии» (Липецк, 2006), «Современный русский язык в лингвокультурологическом пространстве» (Липецк, 2007), «Русский язык наших дней в социолингвистическом освещении» (Липецк, 2007), на научно-практических конференциях студентов, аспирантов и соискателей ЛГПУ (Липецк, 2005-2008). Кроме того, результаты исследования были апробированы в ходе участия во II Всероссийском конкурсе аспирантских работ по когнитивной лингвистике, проведенном в 2007 г. на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Институтом языкознания Российской академии наук и Общероссийской общественной организацией «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». Исследовательская работа «Концепт *лень* в аспекте семантической категории чуждости русской языковой картины мира» была отмечена в числе лучших, о чем свидетельствует диплом лауреата конкурса. Апробация диссертационного исследования осуществлялась и в процессе чтения лекций в рамках курса по выбору «Русская ментальность в зеркале языка» на физико-математическом факультете Липецкого государственного педагогического университета. По теме диссертации опубликовано 20 работ, две из которых опубликованы в изданиях, реферируемых ВАК.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников исследования и списка использованной литературы, состоящего из 188 наименований. Текст изложен на 293 страницах рукописи.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, ставится цель работы и очерчивается круг сопутствующих ей основных задач, характеризуется эмпирическая база и методология исследования, оценивается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, определяется объект и предмет исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Место этноязыковой проблематики в антропологической парадигме лингвистики»** рассматриваются основные положения лингвистики антропоцентризма и место языковой личности в ней, изучается история постановки и решения проблемы «Язык и культура» в работах зарубежных и отечественных ученых-лингвистов, характеризуются современные направления лингвистики в изучении взаимосвязи языка и культуры, исследуются ос-

новые подходы в определении понятий «языковая картина мира», «ментальность», «концепт».

В центре внимания современных лингвистических исследований находится комплекс проблем, связанных с взаимодействием человека и языка. Человек представляет собой одну из величин лингвистики, соединяющую язык и общество. Поскольку язык есть «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», «душа нации» (Гумбольдт В. фон. Лаций и Эллада // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000, с. 303-304), познание человека будет неполным без познания языка, так же, как и познание языка немыслимо без изучения человека. Современная наука о языке характеризуется ведущей ролью антропоцентрической парадигмы. С одной стороны, в языке и речи отражаются релевантные для носителей языка черты действительности, мировидение и миропонимание субъектов речи, с другой стороны, язык воздействует на сознание, культуру и восприятие мира носителями языка, они поддаются влиянию той точки зрения, которая заключена в языке и культуре.

Каждый исследователь языка обязательно в своей деятельности сталкивается с изучением культуры, к продуктам которой принадлежит конкретный язык. К проблеме изучения взаимосвязи языка и культуры обращались многие отечественные и зарубежные лингвисты: В. фон Гумбольдт, Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, И.И. Срезневский, Г.О. Винокур, Н.И. Толстой, Э. Сепир, Б. Уорф и др. В настоящее время эта проблема продолжает активно исследоваться в различных направлениях. Язык рассматривается как инструмент групповой стереотипизации поведения, как система кодирования и передачи культурно-семантической информации, становясь предметом изучения многих современных ученых, что приводит к возникновению новых областей гуманитарных исследований, находящихся на стыке языкознания и других наук.

Среди таких направлений можно выделить *этнолингвистику*, науку, которая исследует язык в аспекте его соотношения с этносом, рассматривая связи языка и духовной культуры, народного менталитета, народного творчества, «работа» с исторически значимыми данными; *лингвистическую аксиологию*, изучающую мировидение народа, опредмеченное в языке, систему ценностей этноса и способы их репрезентации в языке и духовной культуре; *когнитивную лингвистику*, которая связана с изучением деятельности человеческого разума, процессов получения, обработки и хранения информации, процессов мышления и ментальных состояний, их обусловивших; *лингвокультурологию*, в центре внимания которой находится круг проблем, связанных с изучением языка как феномена культуры, вопросы соотношения языка и культуры, их взаимодополняющей роли в обществе, связи языка с социальным и духовно-культурным контекстом времени, отражения в языке культурных ценностей и др. Данное исследование выполнено с учетом основных достижений названных направлений.

Изучение языка в тесном взаимодействии с культурой способствовало возникновению особых понятий, свойственных новым направлениям лингвистики: «концепт», «ментальность» и «языковая картина мира». *Ментальность* представляет собой особый способ мышления, поведения и сознания человека,

его способ восприятия мира, прямо связанный с его национальностью, культурой народа, к которому принадлежит носитель языка, и духовными качествами человека. Это совокупность мыслительных процессов, включающих построение особой картины мира, некая система типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, поэтому в культуре нельзя обнаружить ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности. Ментальность определяется как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» (Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2004, с. 15). Язык воплощает национальный характер, национальную идею и национальные идеалы, которые в законченном виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры. Однако ментальность не сводится к совокупности этих символов. В некоторых исследованиях категории ментальности и менталитета различаются. В таких случаях под ментальностью понимают миросозерцание, интеллектуальный мир человека, а под менталитетом – склад ума, способ мировосприятия народа.

С понятием «ментальность» тесно связано представление о *языковой картине мира* (языковом промежуточном мире / языковой организации мира / языковой модели мира / концептуальной модели мира). Картина мира являет собой некую совокупность мировоззренческих знаний о мире, будучи потребностью человека в наглядном представлении о мире; это некое синтетическое панорамное представление о конкретной действительности и о месте каждого конкретного человека в ней. Языковая картина мира в целом – это изображение языком всего, что существует в человеке и вокруг него. Она находит свое выражение, с точки зрения стратификации языка, во фрагментах лексического уровня; т.е. является оформленной систематизацией плана содержания языка. В подобном моделируемом мире находит отражение все, что существует в реальном мире (человек, пространство, время, живая и неживая природа, социум, созданный человеком культурный и духовный мир и т.д.). Языковая картина мира предстает, в первую очередь, как отражение мира, т.е. всего, что познано, осмыслено и поименовано языком. В таком случае отражение мира основывается на осмыслении универсума и затем на представлении его реалий, следовательно, процесс формирования модели мира, отраженной в языке, проходит два этапа, картина мира формируется опосредованно, в сознании человека. Свойственный языку способ концептуализации действительности, т.е. взгляда на мир, и универсален, и национально специфичен, поэтому носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. Национальная языковая картина мира основывается на признании того факта, что любой национальный язык представляет собой неповторимый результат мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса, его коллективного органа самопознания собственной культуры на фоне пространственно-временного континуума. Языковая картина мира отдельного человека (картина мира языковой личности) существует в сознании отдельного человека в процес-

се его жизни, причем в ее формировании принимают участие все источники знания человека.

Центральным термином лингвокультурологии является и термин «концепт». Под *концептом* мы понимаем глобальную мыслительную единицу, представляющую собой часть структурированного знания, которая формируется в сознании человека из чувственного опыта, из мыслительных операций, из языкового общения и которая является при этом единицей ментальности, образованием, отмеченным лингвокультурной спецификой и характеризующим носителей языка и культуры. В языке концепты могут быть репрезентированы при помощи языковых средств, чаще всего на лексическом уровне (при помощи лексем, фразеологизмов, паремий).

В нашем исследовании мы опираемся на представление о том, что структуру концепта можно представить в виде круга, в центре которого находится основное понятие, ядро концепта, а на периферии – все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом. Описание ядерной части концепта осуществляется при помощи анализа словарных толкований ключевого слова, являющегося репрезентантом концепта, анализа его парадигматических и синтагматических связей. Если лексема, выражающая концепт в языке, многозначная, то одно из значений объективирует ядро концепта, тогда как другие могут быть средством выражения периферийных слоев. Пословицы и поговорки, включающие в свой состав ключевую лексему, образуют базовые, интерпретационные слои концепта, составляющие периферию концептуальной структуры.

Вторая глава «Семантическая категория чуждости в концептосфере русского языка» представляет собой непосредственное рассмотрение категории чуждости, выражающейся в сознании человека в противопоставлении «своего» «чужому», положительной оценке «своего» и негативном восприятии «чужого». В данной главе выделяются репрезентирующие названную категорию концепты, ядерный и периферийные, приводится характеристика центрального концепта категории чуждости *свой – чужой*.

Каждый фрагмент языковой картины мира строится с учетом процессов категоризации и концептуализации, т.е. с опорой на центральные категории и концепты, вокруг которых организуются все остальные понятия и представления. Категории, являющиеся значимыми в рамках языкового сознания, должны иметь широкую объективацию при помощи ряда концептов в языке, а концепты, организующие вокруг себя поле смыслов, должны получать широкую языковую репрезентацию в отличие от тех концептов, которые не являются ключевыми в русской языковой картине мира. Информация об окружающем мире структурируется мыслью носителя языка в процессе категоризации, которая представляет собой мысленное соотношение объекта с какой-либо категорией, т.е. языковое отражение картины мира. Категории же как продукты категоризации являются частью нашего когнитивного аппарата и могут пониматься как ментальные концепты (понятия), хранящиеся в области памяти. Под категорией понимается совокупность ментальных и языковых «групп элементов», выделяемых «на основании того или иного признака (признаков), общности функций» (Токарев Г.В.

Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография. – Волгоград: Перемена, 2003, с. 23-24).

В языке могут отражаться как универсальные, интернациональные особенности поведения и мировосприятия человека, так и сугубо национальные, специфичные, отражающие черты менталитета отдельного этноса, нации. Семантическая категория чуждости, являясь ментальной и языковой группой элементов (концептов), выделяемых на основании оппозиции «свой – чужой», представляет собой универсальную и в то же время национально специфическую категорию. Сущность этой категории заключается в противопоставлении «своего» и «чужого» миров, исключительно положительной оценке «своего» и отрицательном восприятии или полном неприятии «чужого» мира. Любой феномен картины мира относится носителем языка к «своему» или «чужому» в зависимости от его отношения к эталону и подлежит таким образом обязательной классификации.

Каждый из миров, на которые разделяется универсум, обладает собственной спецификой. «Свой» мир представляет собой уникальные, индивидуальные, неповторимые, определенные, известные объекты и субъекты, тогда как в «чужом» мире обнаруживаются однородные, похожие друг на друга, одинаковые субъекты и объекты. «Чужой» мир не воспринимается носителем языка, поскольку является отклонением от нормы, причем норма определяется субъективным, а не объективным путем – в соответствии с эталоном «своего» мира. Категория чуждости обладает определенной степенью проницаемости, так как граница между «чужим» и «своим» миром непостоянна и в некоторых условиях возможен переход объектов и субъектов одного мира в другой.

Несмотря на то что противопоставление «своего» и «чужого» свойственно фактически всем народам мира, всем нациям, в русском языковом сознании оно обладает национальными особенностями. Уникальность конкретной языковой картины мира определяется тем, что каждый язык избирает в качестве эталона, точки отсчета свои собственные объекты, соответственно на первый план в различных языковых картинах мира носителями языка выдвигаются различные признаки предметов, действий, реалий универсума. Национальная специфика обусловлена возможностью различной интерпретации человеком соотношения между объектами действительности, а также тенденцией к выражению национальной идентичности средствами языка. Когнитивная модель, основанная на оппозиции «свой – чужой», может быть рассмотрена как фрагмент образа мира в сознании определенной этнокультурной общности.

Все особенности противопоставления «своего» и «чужого» мира находят свое отражение в языке, так как существуют специальные способы выражения, обозначающие чуждость или ее отсутствие: сочетание лексем с прилагательными, осуществляющими дополнительную оценочную атрибуцию объекта «своего» мира (свой + любимый + ненаглядный + наименование объекта – *свой любимый дом, свои ненаглядные дети* и др.); использование форм множественного числа в обозначении предметов и лиц «чужого» мира в противопоставление формам единственного числа объектов «своего» мира (например, в русском

языке, начиная еще с древних времен, *чужие края – свой, наш край*); модализаторы *какой-нибудь, так называемый, всякий, какой-то, разный, какой-либо, когда-либо, где-нибудь* и другие, которые обозначают неопределенность, размытость границ понятия, чуждость и могут вводить в речь собственные имена, обозначающие объекты «чужого» мира; местоимения *ты, вы, они, твой, ваш, их, тот, там, тогда* служат выражению «чужого» в свете категории чуждости, тогда как все «свое» выражается в языке при помощи местоимений *я, мы, мой, наш, этот, здесь, тут, сейчас, теперь*. Категориальную семантику чуждости можно обозначить при помощи нескольких пар сем: «свой» – «чужой», «свой» – «не свой», «родной» – «чужой», «наш, русский» – «иностранный», «знакомый» – «незнакомый», «современный» – «несовременный», «близкий» – «неблизкий».

Семантическая категория чуждости объективируется в языке при помощи ряда концептов: ядерного концепта *свой – чужой*, который в основном выражается в противопоставлении своего места проживания, родины, и чужбины; своих обычаев, традиций и чужих; своего вероисповедания и «незнаемого», чуждо-го и т.д. В качестве представителей «чужого» мира чаще всего выступают именно субъекты – иностранцы, чужестранцы, хотя «чужое» может быть заключено и в окружающем, вроде бы «своем» мире. Так, в качестве «своих» и «чужих» могут восприниматься не только люди, обычаи, традиции, но и некие внутренние чувства человека, нравственные и духовные категории (дружба, совесть, искренность, любовь к родине, добро, правда – «свое», хорошее; зло, разлука с домом, тоска, скука – «чужое», плохое). Как нам представляется, именно в таком понимании категории чуждости и соответственно противопоставления «своего» и «чужого» заключается национальная специфика: в русском языковом сознании важно то, что чужим является либо субъект действия, человек (для русских граница между «своим» и «чужим» проходит не столько на пространственном или предметном уровне, сколько на уровне межличностных отношений, это граница между «своими» и «чужими» людьми), либо нравственные категории, чувства и состояния носителя языка (в этом случае граница между «своим» и «чужим» проходит на уровне внутреннего состояния субъекта речи, например, состояние тоски осознается русскими людьми как «чужое», как выразитель «чужого» мира).

Помимо центрального концепта *свой – чужой*, семантическую категорию чуждости в языке репрезентируют периферийные концепты *дом, друг, тоска, разлука, лень*. Выбор для рассмотрения именно этих периферийных концептов обусловлен тем, что они, на наш взгляд, наиболее ярко отражают сущность данной категории. Оппозиция «свой – чужой» находит свое выражение во многих языках мира, но можно предположить, что в русском языке в большей степени она репрезентируется именно при помощи названных периферийных концептов, которые можно рассматривать в качестве элементов, выражающих некие причинно-следственные отношения в рамках категории чуждости, тогда как ядерный концепт *свой – чужой*, вероятно, интернационален.

Концепт *свой – чужой* отражает содержание семантической категории чуждости, разделяя в сознании носителя языка окружающий мир на две неравные части, присваивая этим частям положительную или отрицательную оценку.

Указанный концепт определяет различные противопоставления в языковом сознании русского человека, в том числе противопоставление по национальному признаку (*наш – не наш, русский – немец и т.д.*): *От него [танка], уже неуправляемого, в панике рассыпались и немцы и русские* (В.П. Астафьев. Пастух и пастушка); *Кузьма всматривается в зал и почему-то не видит ни одного знакомого лица. «Мария, – испуганно шепчет он, – посмотри: народ-то не наш, чужой».* – *«Да ты что? – отвечает она. – Что с тобой, Кузьма? Все наши»* (В.Г. Распутин. Деньги для Марии); по месту пребывания (*родина – чужбина, здесь – там и т.д.*): *Похоронил я в чужой, немецкой, земле последнюю свою радость и надежду [сына]* (М.А. Шолохов. Судьба человека); по внутренней близости или отдаленности субъекта, состояния, качества (*родные – чужие, друг – враг, разлука – встреча и т.д.*): *А уж про себя-то сказать... – не глядела бы ни на что. К чужому-то свое не прирастает. На солнышко гляжу – и солнышко-то не наше словно, и погода не наша, и... Ворона намедни, гляжу, на суку сидит, каркает... – совсем, будто, наша ворона, ту-льская!.. Поглядела – не та ворона, не наша... у нас в платочке* (И.С. Шмелев. Няня из Москвы) и т.д.

Исследовать концепт представляется возможным через средства языка, вербализующие его, так как многокомпонентная и многослойная концептуальная структура полнее всего может быть выявлена именно путем анализа языковых средств ее репрезентации. Рассмотрев всю совокупность языковых средств выражения концепта и совокупность текстов, раскрывающих его содержание, можно получить представление о содержании концепта в сознании носителя языка. При сопоставлении всех доступных фиксации языковых средств объективации концепта выявляется содержание концепта как единицы мышления.

В ходе исследования были проанализированы парадигматические и синтагматические связи ключевых слов, являющихся репрезентантами концептов. Так, например, в ходе сопоставления синонимов лексемы *свой* (1. *близкий, свойский, домашний*; 2. *личный, собственный, индивидуальный, персональный*) (Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1970-1971, т. 1, с. 74, 542) можно выявить семантический компонент «имеющий непосредственное, прямое отношение к кому-либо, тесно связанный с кем-либо личными, трудовыми отношениями» в первом синонимическом ряду и «принадлежащий данному лицу, находящийся в пользовании, распоряжении данного лица» во втором соответственно. Последний семантический компонент реализуется на периферии концепта *свой – чужой*, не входя в структуру его ядра. Лексемы *чужой* и *чуждый* являются доминантами двух синонимических рядов: 1) *чужбый, далекий*; 2) *чужой, посторонний, сторонний* (Там же, т. 2, с. 681-682), в связи с чем в объективации концепта активизируется семантический компонент, присущий второму ряду: «отсутствие родственной или духовной близости, общих взглядов, интересов», причем в этом значении в языке XIX в. употреблялась лексема *чуждый*; а также компонент «имеющий мало общего с кем-, чем-либо», связывающий синонимы *чуждый, далекий*.

Кроме того, лексемы *чужой* и *свой* составляют антонимическую пару. Но в качестве антонимов к слову *чужой* приводится слово *родной* и производные: «родина – чужбина, отечество – чужбина, родимый (народно-поэтическое) –

чужой) (Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. – М.: Рус. яз., 1978, с. 273-274).

Свое в восприятии русского человека всегда положительно, является самым хорошим и никогда не может быть плохим. Ярким подтверждением такой аксиологической характеристики являются ассоциации, которые вызывает у носителей языка концепт *свой* и при помощи анализа которых можно описать базовый слой концепта. Так, в Русском ассоциативном словаре выделяются следующие реакции на стимул «свой»: *человек, дом, парень, мой, в доску, родной, друг, наш, брат, близкий, голос, дорогой, знакомый, идеал, хороший, надежный, товарищ, красивый, личный, любимый* (Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Под ред. Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцевой. Т. 1. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002, с. 575). Примечательно, что среди реакций выделяются положительные эпитеты (*хороший, надежный, дорогой, наш* и т.д.), заметна связь с идеалом в сознании носителей языка (*идеал*). Кроме того, можно отметить непосредственную связь концепта *свой* – *чужой* как ядерного концепта категории чуждости с периферийными концептами, в частности, *свой* связан с *другом, домом* (т.е. родными и близкими людьми). Следовательно, совершенно очевидна связь *своего* как положительно воспринимаемого, хорошего с понятиями *дама* и *друга*, а *чужого*, отрицательного, страшного и враждебного – с понятиями *страха, тоски, опасности* и т.д. С концептом *чужой* у носителей языка ассоциируется представление о чем-то неприятном, страшном, неприемлемом: *страшный, враг, иностранец, не брат, не мой, не родной, опасность, плохой, предатель, пришлый, пугающий, не свой, черный, черный ворон* (Там же, с. 727). Можно заметить, что *чужой* в сознании русского человека не просто связывается с опасностью, страхом, иностранцем, чужаком, *чужое* определяется как *пугающее, неродное, не свое, плохое, не мое*; более того, у *чужого* есть определяющий цвет – *черный*, цвет грусти, печали, тоски, траура. *Чужой* человек – это *враг*, страшный человек, *пугающий*, им может оказаться *предатель*. Явно заметна поведенческая модель человека в таких ситуациях, отраженная в языке: *не брат*, своего рода отторжение всего чуждо-го.

В результате анализа концепта *свой* – *чужой* выявлены такие семантические компоненты, как: 1) «родственность, внутренняя, духовная близость»: – *Что за круг-то у вас? – Свои люди... близкие. Вы с некоторыми знакомы* (Т.Н. Толстая. Кысь); 2) «связанность совместной жизнью, работой, общими убеждениями»: *Размышляя об этом, Кузьма решил, что брат для деревни совсем отрезанный ломоть – и потому, что его не манит сюда приехать, посмотреть, как живут свои и не свои, походить по старым, с детства знакомым местам и разбередить этим душу, и потому, что ему неинтересно с деревенскими разговаривать...* (В.Г. Распутин. Деньги для Марии); 3) «особенность, своеобразие»: *Разговора не получалось – каждый свое вспомнил* (В.Л. Кондратьев. Сашка); 4) «отсутствие родственной, духовной близости, общих взглядов, интересов»: *Ты письмо мое, милый, не комкай. / До конца его, друг, прочти. / Надоело мне быть незнакомкой, / Быть чужой на твоём пути* (А.А. Ахматова. «Ты письмо мое, милый, не комкай...»); 5) «отсутствие чего-

либо общего с субъектом»: *Ведь одно дело – на чужого варить, на незнакомо-го: кто его знает, что за человек такой? А другое дело – на свое дитяtko* (Т.Н. Толстая. Кысь); 6) «не свое, не наше»: ... *Поимка мыши в самодельную ловушку ... важнее и значительнее и чужой первой любви, и чуждой смерти...* (Л.Е. Улицкая. Сонечка).

Концепт *свой – чужой* может быть вербализован в языке не только при помощи непосредственно лексем *свой – чужой (чуждый)*, но и при помощи лексем *будущий – прошлый, новый – старый, мир – война, наши – не наши, наш – чужой, наш – враг, наш – антисоветский, федералы – террористы, здесь – там*. При этом противопоставление *наши – не наши* связано не только с оппозицией *своего – чужого*, но и с самоопределением этноса, осознанием себя в отличие от других. В этой связи возникают оппозиции *русские – немцы, наши – немцы, русские – французы, русские – татары, русские – американцы* и т.д. Первая из названных оппозиций представляется наиболее значимой для русского языкового сознания, по всей видимости, в силу того, что представители этих наций находятся в сложных отношениях как взаимного притяжения, так и отталкивания. Этноним *немец* изначально имел значение «человек, не говорящий на моем языке, воспринимался как вовсе лишенный языка» (Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. – М.: Языки русской культуры, 1998, с. 14), «немец, немка – стар., а местами и доньше в народе, немой, или же неговорящий по-русски, всякий иностранец с запада, европеец» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Рус. яз., 1989, т. 2, с. 562). С одной стороны, русские всегда противопоставлялись немцам (*Что русскому здорово, то немцу смерть; Русский немцу задал перцу*). Они представляли два разных полюса мира, что подтверждается функционированием данной оппозиции в произведениях отечественной литературы, начиная с XVII-XVIII вв. Немец стал «прецедентным именем как для русской народной культуры, так и для культуры образованных слов, представляя собой наиболее доступный образец чужого в плане языка, поведения, культурных особенностей» (Жданова В. Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и «русскость»: Лингво-культурологические этюды / Сост. В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2006, с. 124). С другой стороны, немцы нередко жили и работали в России, многие отечественные деятели науки и культуры были немцами по происхождению. Великая Отечественная война, вероятно, усилила данное противопоставление в сознании русских людей, в культуре русского народа: *И наши и чужие солдаты попадали влeжку, жались друг к другу, затискивали головы в снег...* (В.П. Астафьев. Пастух и пастушка); *Прошел немного, и догоняет меня колонна наших пленных, из той же дивизии, в какой я был. Гонят их человек десять немецких автоматчиков* (М.А. Шолохов. Судьба человека).

Третья глава «Периферийные концепты, репрезентирующие категорию чуждости в русском языке» посвящена описанию языковой репрезентации и функционирования в языке периферийных концептов, выражающих категорию чуждости: *дом, друг, тоска, разлука, лень* – их взаимных связей и взаимообусловленности. Периферийные концепты связаны между собой по принци-

пу принадлежности к «своему» или «чужому» миру и в соответствии с этим об- ладают определенной оценкой: концепты *дом* и *друг* относятся к «своему» миру и оцениваются положительно, концепты *тоска* и *разлука* – к «чужому» миру и оцениваются отрицательно, концепт *лень* находится на пересечении миров и оценивается двояко.

В работе были проанализированы парадигматические и синтагматические связи ключевых слов-репрезентантов периферийных концептов: рассмотрены синонимические, антонимические ряды, в состав которых они входят, выявлены особенности сочетаемости этих лексем, исследованы ассоциативные ряды, свя- занные с ключевыми лексемами; проанализирован слой паремий, включающий в свой состав ключевые слова.

В результате анализа в структуре периферийного концепта *дом* выявлены следующие семантические компоненты: 1) «здание, постройка, строение»: *Вскоре вышли они к небольшой деревеньке, домов десять-двенадцать, и посту- чались в избу, что побогаче выглядела, с наличниками резными и палисадом из штакетника, но никто не отзывался* (В.Л. Кондратьев. Сашка); 2) «жилище, ж- лое помещение, место проживания человека»: *Они спешили из дому к яме, где, по всем видам, спасались уже не раз...* (В.П. Астафьев. Пастух и пастушка); 3) «семья, близкие, родные люди»: *Была семья, свой дом, все это лепилось го- дами, и все рухнуло в единый миг, остался я один* (М.А. Шолохов. Судьба чело- века); 4) «семейный, домашний очаг, уют»: *Позабудь о родительском доме, / Уподобься небесному крину* (А.А. Ахматова. Моей сестре); 5) «измерение» (объ- ективируется в следующих словосочетаниях – *покинуть дом, вернуться в дом, двери в новую жизнь, на пороге новой жизни*): *И где бы ни переступал / Каких домов пороги, / Я никогда не забывал / О доме у дороги. / О доме горестном, тобой / Покинутом когда-то* (А.Т. Твардовский. Дом у дороги).

Концепт *дом* состоит из ядра и периферийной части. Ядро включает в се- бя смысловые слои «семья, близкие люди», «домашний очаг», «родное гнездо» и репрезентируется в языке и речи при помощи ключевой лекси- мы *дом* в переносном значении и лексем *семья, гнездо, родные*: *Разговоры в палате плыли тихие – кто о доме, о родных, кто о прошлой жизни на гражданке, о войне не говорили* (В.Л. Кондратьев. Сашка); *Ирина Алексеевна Руднева – хозяйка дома – почти никогда не выходила из своих комнат...* (А.И. Куприн. Тапер). Перифе- рия, включающая смысловой компонент «здание, строение, жилая постройка», объективируется в языке с помощью лекси- мы *дом* в прямом значении и лексем *здание, постройка, строение, жилье, жилище* и др.: *Здесь дом был почти что белый, / Стекло крыльцо* (А.А. Ахматова. Белый дом); *Та Матёра и не та: постройки стоят на месте, только одну избенку да баню разобрали на дрова, все пока в жизни, в действии, по-прежнему голоса петухи, режут коровы, трезвонят собаки, а уж повяла деревня, видно, что повяла, как подрубленное дерево, откоренилась, сошла с привычного хода* (В.Г. Распутин. Прощание с Матёрой).

Содержание концепта *друг* определяется наличием в его структуре таких семантических компонентов: 1) «близость по духу, по убеждениям, внутренняя общность»: *Поздним вечером, когда в мастерской остались лишь близкие дру-*

зя, Соня ... вдруг твердо сказала: – Достаньте зал побольше (Л.Е. Улицкая. Сонечка); 2) «готовность помочь»: Он мне сказал: «Я **верный друг!**» (А.А. Ахматова. Вечером); 3) «длительность отношений»: – Не позволю казнить Никиту Иваныча, что такое?!?! – закричал Бенедикт. – Старый **друг** ... ватушки пек, пушкина вместе долбили и ... это... вообще!!! (Т.Н. Толстая. Кысь); 4) «уникальность отношений»: Когда человеку под пятьдесят, трудно сказать, есть у него **друзья** или нет. Столько самых разных людей, как в гостях, перебивало у него за это время **в друзьях**, что теперь осталось только умудренное с годами, молчаливо-спокойное отношение к **близкому человеку**. Не чаще, чем с другими, они встречаются, не имеют общих тайн, но при случае каждый из них осторожно, словно не доверяя самому себе, вспоминает, что есть у него **человек, который, когда понадобится, поймет и поможет** (В.Г. Распутин. Деньги для Марии).

В структуре концепта **друг** выявляется ядро с семантическим слоем «тот, кто связан дружбой, близкий по духу человек, всегда готовый помочь», которое репрезентируется в языке и речи с помощью ключевой лексемы **друг** в прямом значении и лексем **товарищ**, **приятель**, **знакомый**, **родные**: Помню, когда я был маленький, я часто рисовал танки и самолеты и показывал их своим **друзьям** (Е.О. Пелевин. Омон Ра); Для первого случая он пригласил к себе старого **товарища**, который жил верстах в семидесяти от усадьбы Попельских. Старики были связаны давнею **дружбой** (В.Г. Короленко. Слепой музыкант); В темноте **товарищи** из одного взвода или **знакомцы** из одной роты порастерялись, начали один другого потихоньку окликать (М.А. Шолохов. Судьба человека); Будем вместе, милый, вместе, / Знают все, что мы **родные**... (А.А. Ахматова. «Будем вместе, милый, вместе...»). Кроме того, на периферии концептуальной структуры находится когнитивный слой «сторонник, приверженец, защитник», который выражается в языке словом **друг** в переносном значении и словами **соратник**, **сторонник** и др.

В периферийном концепте **тоска** выявлены следующие семантические компоненты: 1) «душевное томление»: Он ...стоял теперь, унимая невольную дрожь оскорбления в груди и с **тоской** вспоминая своих атласных пациенток (Л.Е. Улицкая. Сонечка); 2) «длительность, интенсивность переживаний»: Видели вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, **наполненные такой неизбыточной смертной тоской**, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника (М.А. Шолохов. Судьба человека); 3) «жизненная необходимость объекта тоски (того, по кому или чему тоскуют)»: От **тоски по дому** или от любви... но стал сохнуть он... (М. Горький. Старуха Изергиль); 4) «неприятность»: Так или не так понял Сашка его взгляд, но обдал он его такой **тоской**, что впору и себе пулю в лоб (В.Л. Кондратьев. Сашка); 5) «желание изменить ситуацию»: Давным-давно как зародилась в нем вся эта **теперешняя тоска**, нарастала, накаплилась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму **ужасного, дикого и фантастического вопроса**, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения... ясно, что теперь надо было не **тосковать**, не **страдать пассивно**, одними рассужде-

ниями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

Концепт *тоска* состоит из ядерной части, включающей в себя смысловые слои «тяжелое чувство, душевная тревога», «жизненная необходимость того, о чем тоскуют» и репрезентирующей в языке и речи посредством ключевой лексемы *тоска* в прямом значении и лексем *скука*, *печаль*, *грусть*, *уныние* и др.: Ты поверь, не змеиное острое жало, / *А тоска* мою выпила кровь (А.А. Ахматова. «Ты поверь, не змеиное острое жало...»); То *скука* (=тоска) плаксивая упадет (Т.Н. Толстая. Кысь); Зато у Иохима было непосредственное музыкальное чувство, он любил и *грустил* и с любовью своей, и с *тоской* обращался к родной природе (В.Г. Короленко. Слепой музыкант). Периферия концепта содержит когнитивный слой «скука, вызываемая однообразием обстановки, отсутствием дела», объективирующийся в языке с помощью лексики *тоска* в переносном значении и лексем *скука*, *уныние* и их производных: Яков весь день играл на скрипке; когда же совсем стемнело, взял книжку, и от *скуки* стал подводить годовой итог (А.П. Чехов. Скрипка Ротшильда); – В тюрьме я сидел, в Галичине. «Зачем я живу на свете?» – подумал я со *скуки*, – *скучно* в тюрьме, сокол, э, как *скучно*! – и взяла меня *тоска* за сердце, как посмотрел я из окна на поле, *взяла* и *сжала* его *клещами*. Кто скажет, зачем он живет? Никто не скажет, сокол! И спрашивать себя про это не надо. Живи, и все тут. И похаживай да поглядывай кругом себя, вот и *тоска* не возьмет никогда. Я тогда чуть не удавился поясом, вот как! И далее: *Стыдно* было чего-то, и *жалко*, и *грустно* (М. Горький. Макар Чудра). В данном контексте помимо *тоски* по дому, в которую превратилась *скука*, герой мучается от *тоски*, вызванной раздумьями о смысле жизни, от *тоски* бытия.

Структура периферийного концепта *разлука* содержит следующие семантические компоненты: 1) «внутренняя близость людей, подверженных разлуке»: Мысль о скорой *разлуке* со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу (А.С. Пушкин. Капитанская дочка); 2) «разделение людей, невозможность нахождения вместе»: Я осудил себя на *вечную разлуку* / И с холодом в груди пустился в дальний путь (А.А. Фет. Старые письма); 3) «страдание»: Я *несчастлива от разлуки* с сыном. Я умоляю о позволении видеть его один раз пред моим отъездом (Л.Н. Толстой. Анна Каренина); 4) «независимость от воли человека, вынужденность»: *Рас – стояние: версты, мили... / Нас рас – ставили, рас – садили, / Чтобы тихо себя вели, / По двум разным концам земли* (М.И. Цветаева «Рас-стояние: версты, мили...»); 5) «пространственная разделенность»: И ты ушел. Не за победой, / За смертью. Ночи глубоки! / О, ангел мой, не знай, не ведай / Моей теперешней *тоски* (А.А. Ахматова. «О нет, я не тебя любила...»).

Ядерная часть концепта *разлука* состоит из смысловых слоев «расставание-действие» и «состояние нахождения в разлуке», репрезентирующихся в языке и речи ключевой лексемой *разлука* в прямом и переносном значении и лексемами *расставание*, *разлучиться*, *разлучить*, *разделение* и др.: С такою силой в подбородок руку / Вцепив, что судорогой вьется рот, / С такою силою *появ разлуку*, / Что, кажется, и смерть не развеет... (М.И. Цветаева. «С такою

силой в подбородок руку...»); *Кто может знать при слове **расслаивание** – / Какая нам **разлука** предстоит?* (О.Э. Мандельштам. Tristia); ...*Сонечка твердо решила ехать вместе с мужем, да и сам Роберт Викторович не хотел **разделяться** с женой* (Л.Е. Улицкая. Сонечка).

В структуре концепта *лень* представляется возможным выделить следующие семантические компоненты: 1) «состояние расслабленности тела, души или ума»: *Во всем лице теплился **ровный свет беспечности**. Движения его, когда он был даже встревожен, сдерживались также **мягкостью** и не лишенною своего рода грации **ленью**. Вся тревога разрешалась вздохом и замирала в **апатии** или в **дремоте*** (И.А. Гончаров. Обломов); 2) «отсутствие усилий»: *Да **матушка ленива** была и **неповорнна*** (Т.Н. Толстая. Кысь); 3) «стремление к идеальному»: *Арефьевым вдруг овладевает **странная**, незнакомая ему до сих пор **душевная усталость** и **непобедимое отвращение** ко всем этим изнуренным мальчикам, покинутым мужьям и таинственным незнакомцам. Он **лениво** валится на широкий кожаный диван и закрывает глаза* (А.И. Куприн. По заказу); 4) «невозможность достижения идеального»: *Повар в грязном белом фартуке, белокурый, **ленивый**, молодой, из бывших крепостных, Аким, **лениво** собирается разводить плиту. Ему **не хочется** приниматься за **скудную** ежедневную работу, он тянет, хлопает дверцами печки, заглядывает в духовой ящик, внимательно осматривает, точно в первый раз видит, конфорки, фыркает, брюзжит, двадцать раз их то сдвигает, то опять ставит на место* (Н.Г. Гарин-Михайловский. Детство Темы); 5) «способ сохранения внутренней чистоты, избежания греховности в земной жизни»: *Здесь, розовой денницы / Не видя никогда, / **Лентяй** под одеялом, / С Тибурским мудрецом / Мы часто за бокалом / **Проснемся** – и **заснем*** (А.С. Пушкин. Послание к Галичу).

Концепт *лень* включает в свою структуру ядро, состоящее из смыслового слоя «нежелание что-либо делать» и объективирующееся в языке и речи с помощью ключевой лексемы *лень* в прямом значении и лексем *праздность*, *неохота*, *нехотя* и их производных: *Пруд **лениво** серебрится, / Жизнь по-новому легка...* (А.А. Ахматова. Обман. II); *Это уж каким **лентяем** надо быть, чтобы ржави не напасть!* (Т.Н. Толстая. Кысь); *С **нехотью**, скрепя сердце подошел Сашка к одной избе и постучался робковато* (В.Л. Кондратьев. Сашка), и периферию, обладающую смысловым слоем «не хочется, неохота», который выражается в языке лексемой *лень* в переносном значении и непосредственно лексемами *неохота*, *нехотя* и др.: – ***Неохота** при людях с тобой **займаться**, а то бы я тебе показала, как с родной теткой **разговаривать**, я бы тебя научила...* (В.Г. Распутин. Деньги для Марии); *Ладно, зайду как-нибудь, – сказал Бенедикт с **неохотой*** (Т.Н. Толстая. Кысь).

Периферийные концепты, репрезентирующие как «свой», так и «чужой» мир, находятся в отношениях взаимосвязи. Концепты *дом* и *друг* представляют собой «свой» мир, где находятся близкие и родные люди, где носитель языка чувствует себя защищенным, и воспринимаются как исключительно положительное, близкое, родное. Концепты *тоска* и *разлука* являются выразителями «чужого» мира, концепт *лень* находится в точке соприкосновения «своего» и «чужого» мира.

Дом – это «свое», замкнутое, защищающее пространство, в котором рядом с человеком находятся близкие и родные ему люди, его семья: *Семья Рудневых принадлежала к одной из самых безалаберных, гостеприимных и шумных московских семей... <...> В качестве главы дома (= главы семьи. – А.С.) он [Аркадий Николаевич] занимался исключительно тем, что закладывал и перезакладывал то одно, то другое недвижимое имущество...* (А.И. Куприн. Тапер). Концепт *дом* связан и с представлением о детстве, о целостном восприятии мира, о «своем» мире, где человеку хорошо. С этим концептом некоторыми своими семантическими слоями пересекается концепт *друг*, который выражается в сознании носителей языка, прежде всего, в том, что у человека есть близкий и родной ему человек (как и в случае, когда реализуется семантический компонент концепта *дом* «семья, близкие люди»), готовый всегда прийти на помощь, пожертвовать всем ради счастья друга. Понимание родных и близких людей как обязательной, необходимой части человеческой жизни, душевного, эмоционального тепла входит именно в концептуальную структуру *дом* (в значении семьи, родных и близких людей, культурных и этических связей между ними, традиций, передающихся из поколения в поколение). *Друг* – это внутренне, духовно близкий человек, с которым преодолевают трудности, проходят испытания в жизни. В то же время концепт *друг* также обнаруживает связь с представлением человека о детстве – первые друзья, друзья детства – самые верные, надежные, близкие, хорошие, настоящие друзья. В этом проявляется соположенность концептов *дом* и *друг* в качестве «представителей» «своего» мира. Значимость дружбы носителем языка ощущается сильнее в состоянии, связанном с функционированием «представителей» «чужого» мира: *тоски* и *разлуки*.

Если человек теряет связь с родным миром, то оказывается в «чужом», враждебном пространстве, в состоянии *разлуки* с *домом*, *друзьями*, в этой ситуации проявляется чувство *тоски*: *Они чувствовали себя страшно далеко от родных мест, среди чужих людей, под чужим небом. <...> Уже второй день томились они скукой, ожидая, пока к ним выйдет тщедушная и горделивая фигурка помощника начальника станции... и строго объявит, когда и какой товарный поезд потянет их на Харьцызскую. Со скуки они весь день проспали* (И.А. Бунин. На чужой стороне). Концепт *тоска* представляет собой болезненное, мучительное состояние человека, связанное с одиночеством (когда нет *дома* в значении родных людей и нет *друзей*, близких внутренне, родных по духовным качествам). Кроме того, одним из наиболее ярких и выразительных проявлений *тоски* является *тоска* по родине, т.е. по *дому*, когда человек находится далеко от *дома*, своих близких, родных, от привычных условий жизни и не может воспринимать «чужой» мир, тоскуя по утраченному раю, каким представляется ему его родная сторона. В «чужом» мире носитель языка испытывает чувства, которые выражаются понятиями *тоски*, *скуки*, *чужбины*, т.е. репрезентантами концептов, реализующих категорию чуждости в русском языке. *Тоска* может иметь своим объектом близких, родных людей, *друга*, любимого человека, это чувство носитель языка испытывает при потере близких людей. Таким образом пересекаются структуры концептов *тоска* и *друг*, *дом*.

Концепт *разлука* также непосредственно связан компонентами своей структуры с другими периферийными концептами. В *разлуке* можно находиться только с очень близкими людьми (друзьями, родными, любимыми), кроме того, *разлука* может быть и с *домом, родиной* и т.д., т.е. с чем-то родным и близким, в общем, со «своим» миром. *Разлука* причиняет боль, вызывая *тоску* или *скуку* (репрезентанты «чужого» мира в сознании человека): *Давила грудь разлучная тоска, да и дорога эта среди пожарищ и раздора на веселье не располагала* (В.Л. Кондратьев. Сашка). Часто с *разлукой* двух любящих людей связано пребывание одного из них в «чужом мире» (на чужой стороне). *Разлука* есть разрыв, разделение с представителями «своего» мира. Концепт *лень* также связан носителями языка с «чужим» миром в рамках категории чуждости, так как *лень* возникает в результате *скуки (тоски)*, или, наоборот, *лень* приводит к *тоске (скуке)*: *И от лени или со скуки / Все поверили, так и живут: / Ждут свиданий, боятся разлуки / И любовные песни поют* (А.А. Ахматова. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»). Следовательно, «свое», хорошее – это наличие *дома, друга*, близких и родных, некая защита, а «чужое», плохое – это отсутствие всего вышеперечисленного, *разлука* с этими объектами, *тоска* по ним. Сказанное позволяет утверждать тесную взаимосвязь всех периферийных концептов в аспекте выражения ими семантической категории чуждости.

Таким образом, восприятие объектов универсума сознанием человека зависит от их принадлежности к «своему» или «чужому» миру, и этот принцип находит отражение в языке, а языковая категория чуждости, в свою очередь, разделяет универсум в языковом сознании носителей языка на две неравные части, давая при этом им аксиологическую характеристику.

В **заключении** подводятся основные итоги исследования, формулируются выводы, полученные в результате языкового и культуроведческого анализа категории чуждости и выражающих ее в языке концептов. Здесь обозначены семантические компоненты, составляющие структуру ядерного и периферийных концептов, указаны языковые средства репрезентации данных концептов. Кроме того, прослеживается взаимосвязь вышеназванных концептов в аспекте категории чуждости, точки их соприкосновения; намечаются перспективы дальнейшего исследования: сопоставительное изучение категории чуждости в различных языках; исследование и описание категории чуждости в единстве семантического, коммуникативного и прагматического аспектов. В качестве возможных направлений исследования представляется возможным выделить изучение репрезентации категории чуждости в виде оппозиций, указывающих на национальную принадлежность (*русский – немец, русский – татарин* и т.д.); исследование репрезентации категории чуждости в произведениях устного народного творчества. Перспективным представляется и системное рассмотрение ядерного и периферийных концептов, объективирующих категорию чуждости, с точки зрения вербализации в языке всех периферийных слоев их структуры.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. *Скрыльникова, А.Ю.* Концепт «друг» как отражение семантической категории чуждости в русской языковой картине мира [Текст] / А.Ю. Скрыльни-

кова // Структура, семантика и функционирование языковых единиц (сборник аспирантских и студенческих научных трудов) / Отв. ред. Е.А. Попова. – Липецк: ЛГПУ, 2005. – С. 3-12.

2. *Скрыльникова, А.Ю.* Тоска в жизни и языке русского человека [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Структура, семантика и функционирование языковых единиц (сборник аспирантских и студенческих научных трудов) / Отв. ред. Е.А. Попова. – Липецк: ЛГПУ, 2005. – С. 41-56.

3. *Скрыльникова, А.Ю.* Семантическая категория чуждости в русской языковой картине мира [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. Вып. 3. – Ч. II / Отв. ред. Т.А. Кузьмина. – Липецк: ЛГПУ, 2006. – С. 134-142.

4. *Скрыльникова, А.Ю.* Концепт «лень» как один из ключевых образов русской языковой картины мира [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Проблемы лингвистической теории, форм и содержания образования и обучения / Отв. ред. Е.И. Белая. – Липецк: ЛГПУ, 2006. – С. 33-49.

5. *Скрыльникова, А.Ю.* «Свой – чужой» как ядерный концепт семантической категории чуждости [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Проблемы лингвистической теории, форм и содержания образования и обучения / Отв. ред. Е.И. Белая. – Липецк: ЛГПУ, 2006. – С. 109-119.

6. *Скрыльникова, А.Ю.* Концепт «разлука» как выражение семантической категории чуждости в русской языковой картине мира [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Лингвистика антропоцентризма и лингвокультурологическое знание в XXI столетии / Отв. ред. В.В. Щеулин. – Липецк: ЛГПУ, 2007. – С. 72-86.

7. *Скрыльникова, А.Ю.* Ментальный анализ художественного текста как фактор формирования культуроведческой компетенции учащихся [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. Вып. 4. / Отв. ред. Т.А. Кузьмина. – Липецк: ЛГПУ, 2007. – С. 311-318.

8. *Скрыльникова, А.Ю.* Изучение языка в аспекте ментальности как фактор социализации личности [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Молодежь в науке: проблемы и перспективы. Материалы II межрегиональной конференции Российского союза молодых ученых. – Тамбов: ОАО «Тамбовполиграфиздат», 2007. – С. 131-140.

9. *Скрыльникова, А.Ю.* Лень в жизни и в русской речи [Текст] / Е.А. Попова, А.Ю. Скрыльникова // Русская речь. – 2007. – № 4. – С. 41-45.

10. *Скрыльникова, А.Ю.* Категория чуждости как одна из ключевых идей русского языкового сознания [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Электронный вестник Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. СПбГУ. Филологический факультет. – 2007 г. – Выпуск 5 // <http://evcpk.ru>

11. *Скрыльникова, А.Ю.* Ментальный анализ художественного текста в практике преподавания русского языка в школе [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5 / Отв. ред. В.И. Казарина. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2007. – С. 232-241.

12. *Скрыльникова, А.Ю.* Концепт «свой – чужой» в русской языковой картине мира [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное: Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора П.А. Леканта / Отв. ред. В.В. Ледевева. – М.: МГОУ, 2007. – С. 203-208.

13. *Скрыльникова, А.Ю.* Концепты «тоска» и «разлука» в аспекте русской ментальности [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Современный русский язык в лингвокультурологическом пространстве / Отв. ред. В.В. Щеулин. – Липецк: ЛГПУ, 2007. – С. 142-157.

14. *Скрыльникова, А.Ю.* Концепт «тоска» в русском языковом сознании [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Филология и культура; Материалы VI Междунар. науч. конф. Тамбов, 17-19 октября 2007 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 260-263.

15. *Скрыльникова, А.Ю.* Концепт «разлука» в русской языковой картине мира [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2007. – Вып. 12 (56). – С. 233-238.

16. *Скрыльникова, А.Ю.* Формирование культуроведческой компетенции как составляющей гуманитарного знания [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Проблемы непрерывного образования: проектирование, управление, функционирование: Материалы международной научно-практической конференции. (18-19 мая 2007 г.; Липецк): В 3 ч. Ч. I / Отв. ред. Ю.В. Шмарион. – Липецк: ЛГПУ, 2007. – С. 161-163.

17. *Скрыльникова, А.Ю.* Концепты «дом» и «друг» в аспекте русской ментальности [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Русский язык: история и современность: сборник научных трудов. К 80-летию профессора В.В. Щеулина / Отв. ред. Е.А. Попова. – Липецк – Елец, 2008. – С. 265-280.

18. *Скрыльникова, А.Ю.* Концепт «разлука» и его репрезентация в поэтических произведениях русской художественной литературы [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. Вып. 5. – Ч. II / Отв. ред. Т.А. Кузьмина. – Липецк: ЛГПУ, 2008. – С. 94-102.

19. *Скрыльникова, А.Ю.* Состояние и специфика лингвокультурной общности в России [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Русский язык наших дней в социолингвистическом освещении: сборник научных трудов / Отв. ред. В.В. Щеулин. – Липецк: ЛГПУ, 2008. – С. 69-81.

20. *Скрыльникова, А.Ю.* Анализ художественного текста как фактор формирования культуроведческой компетенции учащихся [Текст] / А.Ю. Скрыльникова // Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции: в 7 ч. Ч. 5. / Отв. ред. Д.Ф. Ильясов. – М. – Челябинск: Образование, 2008. – С. 272-276.

Статьи под № 9, 15 опубликованы в изданиях, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии.

Скрыльникова Анна Юрьевна

**Категориальная и лингвокультурологическая
сущность чуждости в русском языке**

Подписано в печать 03. 10. 2008 г.

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.

Усл. печ.л. – 1. Тираж 100 экз.

Заказ № 601.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Липецкий государственный педагогический университет»
г. Липецк, ул. Ленина, 42

Отпечатано в РИЦ ЛГПУ

102